

Шагапова Альбина Рафаиловна.

Леди в белых халатах

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Альбина Шагапова

Леди в белых халатах

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Шагапова А. Р.

Леди в белых халатах / А. Р. Шагапова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Мои рассказы не о любви к профессии, не о спасении человеческих жизней и не о самоотверженном труде. Они о женщинах, о их радостях и мечтах, обидах, и разочарованиях, слабостях и пороках. Содержит нецензурную брань.

© Шагапова А. Р., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Награда.

Проснувшись за пять минут до будильника, Танька Шарикова, по обыкновению, принялась проклинать и омерзительную ноябрьскую погоду, и утреннюю синь, разлившуюся по комнате, и работу, на которую надо подниматься с постели, и общежитие, и свою нелёгкую долю. За стеной слева захныкал соседский ребёнок, по коридору прошлёпали чьи-то тапки, потянуло яйчицей.

- Что за идиотская манера жарить яйца по утрам?– сдерживая позыв к рвоте подумала Танька и прижалась к горячему боку Алексея. Муж сонно пробормотал нечто нечленораздельное, собственническим жестом обвинил Танькину талию своей крепкой рукой. В голову девушки пришла крамольная мысль – остаться дома, рядом с Лёшей, чтобы, тесно обнявшись качаться на волнах дремоты и чистой, незамутнённой дневными тяжёлыми думами, нежности. И пусть весь мир подождёт. Ведь ему – этому треклятому миру, глубоко наплевать на Таньку с её проблемами, желаниями и обидами на судьбу. Так, что же такого страшного произойдёт, если Шарикова один – единственный разочек наплюёт на него? Но нельзя!

Танька поцеловала Лёшу в колючую щёку и встала. Холодный пол обжёг ступни. Девушка выругалась. Вот не Обломов она, чтобы, встав с дивана, в тапки попадать! А ведь умение, надо признать, довольно полезное, учитывая условия проживания. Отопление их общаге так и не дали, хотя толстенький депутатик перед выборами слёзно им его обещал в обмен на голоса. Общежитие депутатику поверило, люди вообще склонны верить в хороших дядь, наделённых властью, проголосовало, но отопление и горячую воду так и не получило.

Тишину сонной комнаты разорвал рёв рингтона.

– Фу, ну и гадость! – подумала Танька, натягивая спортивный костюм. – И без того тошно на работу идти, а ещё и эта музыка противная! Сменить что ли?

Разумеется, Танька имела в виду рингтон, а не работу. Но через секунду отказалась от этой идеи. Есть ли разница, под какие звуки просыпаться? В конце концов, в шесть утра любая, даже самая красивая мелодия покажется смехом демонов в центре ада.

Чертыхаясь, Танька елозила по пыльному полу босыми ступнями, продолжая искать тапки.

– Ну, где же вы?– злясь не то на себя, не то на вредную обувь, вздумавшую играть в прятки, бормотала Шарикова.

Наконец, нашарив искомое, она выдохнула, с благоговением ощущая мягкость тёплого ворса тапочек, взяла с тумбочки зубную щётку и пасту, перекинула через плечо полотенце и вышла в коридор. Общага ещё спала. В воздухе стойко висел запах перегара, немытых тел, неисправной сантехники и гниющих остатков вчерашнего пиршества. Танькины шаги по кафельным плитам показались ей слишком громкими в утренней тиши коридора. Танька щёлкнула выключателем и вошла в туалетную комнату. Тусклый свет лампочки, обмазанной зелёной, осветил всё убожество обстановки. Несколько кабинок с унитазами и огромными булькающими бочками под потолком справа, слева – ряд пожелтевших от старости и ржавчины раковин. На полу лужи мутной мыльной воды, в углу засохшая клякса чьей – то блевотины.

Танька повернула вентиль, поёжилась, чувствуя как водяные капли отскакивают от грязной ржавой поверхности, рикошетят ей на грудь и шею. Она подставила ладони под звонко бьющую струю, поднесла пригоршни полные воды к лицу.

А ведь у них с Лёшей всё могло бы быть и квартира, и красивая мебель, и натяжные потолки, и огромный шкаф-купе во всю стену. А ещё, Танька обязательно завела бы рыжего персидского кота. Шариков неплохо зарабатывал на кафедре, и уже была отложена сумма на первый ипотечный взнос. Ах, если бы не эта проклятая авария, после которой Лёху собирали по частям! Вот тогда, Танька убедилась в правдивости поговорки о том, что друзья познаются в беде. Стоило друзьям и многочисленной родне узнать о том, что Шариков навсегда останется

в инвалидном кресле, как они тут же прекратили общения не только с Лёшей, но и с Танькой, словно боясь от них заразиться несчастьем.

К большому Танькиному облегчению, Лёша не стал геройствовать, и полным патетики голосом вопрошать:

– К чему тебе, такой молодой и здоровой бабе, жалкий инвалид?

Напротив, покинув постылые стены больницы, Алексей сразу же нашёл себе работу на дому, стал писать для студентов курсовые и дипломные. Платили мало, гораздо меньше, чем он когда-то получал, но всё же, это были живые деньги.

Отложенная на первый взнос сумма, вся, до последней копейки ушла на оплату консультаций профессоров, на лечение, которое совершенно не приносило результата, и на экстрасенсов. Последний доктор, приехавший из столицы, бросив в сторону Шарикова мимолётный взгляд, безапелляционно заявил, что в России Лёху на ноги не поднять, нужно ехать в Германию. Вот, только где взять денег? Зарплаты медсестры едва хватало на оплату коммунальных услуг да на питание, продать им было нечего, а друзья и родственники сбежали, словно крысы с тонущего корабля.

Танька была готова на что угодно, даже вступить в ряды представительниц самой древней профессии, вот только кому она нужна, толстенная, коротконогая, очкастая?

Покончив с утренним туалетом, Танька поспешила на кухню. Там тоже царила тишина. Лишь дядя Ваня скрёб вилкой по сковородке, доедая свою яичницу. Жильцы вчера пировали, потом дрались, потом плакали и мирились, и, наконец, под утро, устали. Теперь спали, набираясь сил для новых подвигов. А Таньку её подвиги ждали прямо здесь и сейчас. Ведь какое мужество надо иметь, чтобы пробраться к плите, минуя осколки разбитых бутылок, лужи разлитого спиртного, рвоты и засохшей крови? А сколько бесстрашия требуется на то, чтобы сесть за облитый чем-то липким красно-бурым стол и приступить к приёму пищи? Танькино сражение с бутербродом проходило мучительно. Она терпеливо, преодолевая тошноту, глотала кусок за куском, запивая сладким чаем, стараясь не обращать внимания на грязный пол, углы стен, в характерных жёлтых потёках, груды грязной посуды в раковине, подпирающую кран.

Внезапно, её накрыло такой неистовой радостью, таким безграничным счастьем, что девушка едва не подавилась. Сегодня выписывается Иванова! А это значит – наступил день получения награды. У Лёши появился шанс! Она отнесёт деньги, полученные от старухи Ивановой в банк, положит под проценты и через полтора года...

Девушка заставила себя опуститься с небес на землю, прогнать мечты об исцелении мужа, но они, словно яркие разноцветные бусины, так и нанизывались на серую нить неприглядного реализма, приглушая голос разума мелодичным звоном.

Ноябрьское утро встретило Таньку мелкой противной моросью. Дождевые капли вколачивали полусгнившую коричневую листву в рыхлый чернозём. Деревья, хищно растопырив свои оголившиеся ветки, раскачивались под порывами колючего нервного ветра. Запах осени с каждым днём становился всё более едким, более пронзительным. Танька всегда его терпеть не могла. Ей казалось, что именно так пахнет отчаяние и безысходность. Воронье карканье она тоже не любила, особенно по утрам. Вот только нахальным птицам было глубоко наплевать на мнение какой-то медсестры в дутой куртёнке и шапке, больше похожей на чулок, они самозабвенно пели свою похоронную песнь, прощаясь с умершим летом.

– Награда-да, награда – да, – слышалось Шариковой в перестуке трамвайных колёс.

Серый городской пейзаж тянулся и тянулся за окнами. Водитель что-то периодически рывкал, то ли объявляя остановки, то ли напоминая об оплате за проезд. Кондуктор – злая тётка с почерневшим от усталости и отёкшим от частых возлияний лицом, протискивалась между шуршащими куртками и засаленными спецовками, гремя мелочью и отрывая билеты, с таким видом, будто это головы врагов.

– Награда – да, награда – да, награда – да!

Разве Танька не заслужила? Заслужила и ещё как!

Вредную склочную старуху в отделение доставили с почестями. Её появления ждали и боялись. Ведь Иванова – не абы кто, а мать какой-то там шишки из городской администрации.

Бабке тут же выделили отдельную палату с телевизором, холодильником и индивидуальным санузлом, а ещё – Таньку, в качестве личной медсестры, служанки и дуэньи. Ох и намучалась с нею Танька! Старуха то орала на неё, называя бестолочью и вертихвосткой, то хвалила и не отпускала от себя не на шаг.

Старушеница могла без умолку болтать о своём любимом внуке, описывая его достоинства, восхищаясь живым умом и многочисленными талантами. А когда, наконец, решала, что ей надо отдохнуть, требовала историй от Таньки. И девушка рассказывала о Лёше, об аварии, о мытарствах по больницам.

Однажды, Таньке посчастливилось увидеть внука Ивановой. Капризный вертлявый мальчишка, бегал по палате, кричал что-то нечленораздельное, бил любимую бабулю кулачком в живот и ржал, как полоумный. Старуха же, умилялась каждым жестом, каждым произнесённым словом ребёнка, пыталась поцеловать в лобик, но тут же получала по носу. Никаких талантов, никакого живого ума Танька, вопреки бабушкиным заверениям, в мальчугане не разглядела. Может, по причине их отсутствия, а может потому, что детей не любила.

Каждый вечер Шарикова встречала с лёгким приступом тошноты и надеждой, что бабке станет плохо, и её увезут в палату интенсивной терапии. О нет! Девушка не стыдилась этих мыслей. Проработав в больнице более трёх лет, ты теряешь и стыд, и чуткость к чужим страданиям, а на их смену приходят цинизм и усталость, отупляющая, блокирующая все благородные порывы.

Но по коридору разливался невкусный запах больничного ужина, за окнами сгустились сырые ноябрьские сумерки, а старуха, вопреки чаяниям Таньки, оставалась всё такой же бодрой и весёлой.

– Милая моя, – говорила старуха, вытягивая свои потные ноги в колючих седых волосках. – Ты великолепно это делаешь. Знаю, девочка, ты устала, но ведь и я в долгу не останусь. Не забывай, кем работает мой сын, и на что он способен.

Танька, стараясь угодить, принималась тереть ладонями холодную, словно мёртвую кожу, царапая руки о жёсткие волосы, морщась от тухловатого запаха старческого пота.

Старухе было то жарко, то холодно, то весело, то грустно.

– Я не стану пить эти дурацкие таблетки! – в любой момент могла закричать она, отталкивая Таньку, подающую ей лекарства и стакан воды. – Вы хотите меня отравить! Вы уже меня отравили!

И засунув два пальца в рот, начинала вызывать рвоту. Извергнув содержимое желудка, бабка тут же требовала, чтобы медсестра немедленно убрала сие безобразие, как можно быстрее.

А как-то, старуха обмочилась. И Таньке пришлось ворочать вредную бабку, чтобы сменить постельное бельё, так как Иванова покидать своё ложе отказалась наотрез, сославшись на головкружение.

– Рукожопая недоучка! – визжала старуха в тот момент, когда Танька пыталась сделать ей укол. – Больно! Больно! Больно!

Огромные ягодицы, покрытые мелкими старческими прыщиками, белели в свете больничной лампы. Старуха тужилась, кряхтела и наконец, выпускала газы, прямо Таньке в лицо.

– Терпите! – жёстко говорила заведующая отделением на каждой пятиминутке. – Она – мать самого Иванова Петра Степановича! Не дай, Бог, пожалуется – получим все!

И медики терпели, но больше всех – Танька. Материла, разумеется, мысленно, гадкую старуху и трусливое начальство, неспособное защитить своих сотрудников, лила слёзы

в подушку по ночам, чтобы не видел муж, глотала горстями успокоительные, кусала губы в кровь, и терпела, терпела, терпела. Ради обещанной награды, ради Лёши.

* * *

Иванова гордо вышагивала по больничному коридору в ярко – алом пальто и такой же шляпе, ведомая под руку пузатым мордovorотом в деловом костюме.

Медсёстры, следуя указаниям начальства, здоровались, подобострастно улыбались, слегка подгибая колени. Мордovorот же, снисходительно кивал, брезгливо зажимая нос белоснежным платком.

– Ещё бы! – усмехалась про себя Танька. – Это тебе не пятизвёздочный отель на лазурном берегу. Это городская больница, с одним туалетом на восемнадцать палат, обоссанные судна, которые некогда мыть, по причине большой загруженности и нехватки младшего медперсонала. Здесь в душных палатах по десять коек в каждой, лежат больные люди, не имеющие возможности принять душ, и подаётся невкусная еда, тошнотворный запах которой впитался в стены.

– Позже подумаешь об этом! – остановила себя Танька, растягивая губы в улыбке и опуская глазёнки долу, как учили заведующая и старшая.

– Танюша! – проскрипела Иванова.

Танька боязливо подняла глаза.

Золотой зуб в расщелине старческого рта хищно блеснул.

– Спасибо тебе за твою доброту, за терпение, за старания. Я говорила тебе милая, что обязательно сделаю дорогой подарок.

Танька замерла в ожидании, стараясь не выдать своей радости. Напрасно, сердце её стучало так, что казалось, его стук слышен во всём отделении. А щёки, ох уж эти предатели – щёки, вспыхнули, хоть картошку на них запекай.

– Ничего нет дороже детской радости, дорогая моя, – провозгласила старуха, протягивая Таньке лист бумаги, вырванный из школьного альбома.

На этом листе, неумелой рукой пятилетнего карапуза была нарисована кровать, на которой высилось человеческое тело – кружок, кружок и четыре кривые палки. Вероятно, мальчик хотел изобразить свою любимую бабулю. Рядом с кроватью, стояла, по всей видимости, Танька, на что указывал синий халат и почему-то красный крест на квадратной шапке.

– Спасибо, – прошептала девушка, забирая рисунок ослабевшей рукой.

– Нет, нет, нет! Такого не должно быть, это не правильно! – бестолково билось в её голове. – Неужели ничего не будет, ни денег, ни поездки в Германию, ни Лёшкиного выздоровления? Волосатые ноги, простыни пропахшие мочой, ягодицы в мелких прыщах – всё зря, всё напрасно!

Иванова буравила Шарикову выжидательным взглядом, выискивая в её лице хоть какую-то толику умиления или восхищения. Но Танька, с трудом выдавив из себя единственное слово благодарности, стояла и думала лишь о том, чтобы не разреветься на глазах у коллег, ненормальной бабки и её омерзительного сыночка.

– Вытри себе задницу этой бумажкой! – хотелось закричать девушке, а потом биться, биться, биться головой о стену.

– Лёша, любимый, прости меня! – вспыхивали огненные буквы перед внутренним взором.

Высокопоставленный сынок, кивнув в очередной раз, повёл свою мамашу дальше, к лифтам.

А Танька, больше ничего не видя за пеленой слёз, бросилась в туалет. Чтобы там, закрывшись в кабинке, не тая своего отчаяния, по – волчьи завывать, разрывая злосчастный рисунок и бросая клочки в унитаз.

Жизненный план.

Крупные мохнатые снежинки, облитые рыжим светом уличных фонарей, отчаянно бились в лобовое стекло. На город уже давно опустились мутные, густые и тяжёлые, словно остывший столовский кисель, зимние сумерки.

Ольга нетерпеливо поглядывала на часы, словно этим могла как-то задержать время. Опаздывать она не любила, того же требуя и от своих подчинённых. Недаром вчера, на планёрке именно её отделение назвали самым дисциплинированным. Ах, знал бы главный врач, сколько Оля приложила усилий, чтобы этого добиться! Ведь, если подчинённых не держать в ежовых рукавицах, если лично не проверять их работу, если не сталкивать этих куриц лбами, то никакого порядка, никакой дисциплины не добиться никогда. Ведь все они – тупые, ограниченные бабы с коровьими усталыми глазами, думают лишь о деньгах, о грошах, которые обязательно получают в конце месяца. Гадко! Омерзительно! Противно!

В последнее время заведующая хирургическим отделением доктор Снегирёва никак не находила себе места. Так беспокоится подросток, когда видит у своих сверстников дорогие телефоны, модную одежду и старается убедить себя в том, что всё это – мишура, яркая, глупая, и у него, у бедного, но гордого подростка другие ценности. Оля, как человек взрослый, и здравомыслящий, пыталась найти причину своему беспокойству. Ведь ничего просто так не происходит. И если в животе скручивается огромная змея, мысль о любимой работе вызывает тошноту, а возвращение домой – приступ мигрени, то с этим нужно что-то делать. На первый взгляд, у Снегирёвой всё было замечательно.

Должность, очень даже неплохая, учитывая то, что Ольге всего тридцать два года, дорогая машина, отменное здоровье и внешность такая, хоть на конкурс красоты выставляй. Так почему же на душе скребутся кошки?

– Прошлая пятница! Планёрка! Алёна! – мысль полоснула резко, больно, до красной вспышки в глазах.

Лёгкий румянец на белых щеках, кроткая, но снисходительная улыбка, голос, в котором не было ни страха, ни желания угодить. Теперь – то заведующей было понятно её независимое поведение, философское отношение ко всему происходящему в отделении. Эта белая мышь воспринимала и больницу, и работу в ней, и саму Ольгу как временные трудности, неприятные, мешающие, но проходящие. И, если доктор Снегирёва видела в медсестре Алёне объект для срыва своей злости, искажённый вариант её самой, то Ольга, как оказалось, не занимала в душе этой девчонки никакого места, всего-навсего – эпизод.

Ольге она не понравилась сразу, тихая, неприметная бледненькая мышка с тёмно– русым хвостиком на затылке. Увидел и забыл. Идеальный винтик для большого механизма, расходный материал. Но какое-то природное чутьё подсказывало Ольге, что не всё так просто с этой девицей. Алёна, будто бы, светилась изнутри, ровно, спокойно, но ярко. И Ольге до зуда в ладонях, до головной боли хотелось, во что бы то ни стало, затушить этот внутренний свет. Уничтожить, растоптать девчонку, заставить её плакать и умолять о пощаде. Разумеется, заведующей отделением не пристало обращать внимания на медсестричек, если, конечно, они не разлагают дисциплину и не пренебрегают своими обязанностями. Вот только унижать и топтать можно чужими руками, благо такие руки всегда находились. И если доктор Снегирёва пребывала в не самом лучшем расположении духа, Ольга вызывала на ковёр старшую сестру отделения. Та, низенькая, длинноногая и коротконогая, словно старая, разъевшаяся такса, заходила в кабинет с опаской и, подобно вышеупомянутой собаке, преданно смотрела в глаза начальницы, ловя каждое её слово.

– Почему сёстры нашего отделения ходят без чепчиков?– спросила Ольга, мысленно смеясь над тем, как старшая сестра пугливо перетаптывается с ноги на ногу.– Я бы попросила вас, милая Надежда Николаевна, сделать внушение девочкам, особенно Алёне.

– Да-да, – мелко кивала такса, и ниточка слюны непроизвольно стекала из уголка рта. – Я поговорю, я скажу.

– И ещё, Надежда Николаевна, – Ольга делала паузу, давая старшей время проникнуться строгим тоном начальницы, накрутить, навывдумывать невесть чего, испугаться собственных мыслей. – Почему Алёна болтается без дела, то чай пьёт, то у туалетов трётся? Неужели так трудно найти человеку дело? А, может, вы просто не умеете организовать рабочий процесс.

Старшая принималась нервно икать, сглатывать, а однажды даже психнула в штаны, так как чуткое обоняние Снегирёвой тут же различило запах мочи.

Старшая уходила из кабинета начальницы бледная, растерянная, выжатая и помятая, словно ветошь. Но уже через несколько минут, в коридоре звучал её властный и требовательный голос, дающий распоряжения, а ненавистная Алёна лишалась не только обеда, но и отправления естественных надобностей. При всех своих недостатках, Надежда Петровна обладала одним огромным достоинством – приказы вышестоящего начальства выполнялись ею неукоснительно, чётко и с особым, каким-то даже, маниакальным рвением.

Тоска, тягучая, серая, густая и холодная, словно утренний осенний туман, окутала, обволокла кожу, проникла внутрь Олиного организма, протянулась по пищеводу, залегла в желудке. Чёрт! Будь проклята эта злосчастная пятница вместе с дурнушкой – Алёной! Ольге не хотелось вспоминать тот день, она гнала его из своей памяти, пытаясь заслонить другими картинками, но ничего не выходило. И мозг продолжал обрабатывать, анализировать этот дурацкий, совершенно глупый, но такой болезненный кусок Олиной жизни.

Она, по обыкновению, собрала весь персонал отделения в своём кабинете, а сама уселась в удобное кресло.

Тётки в помятых белых халатах, с такими же помятыми лицами перетаптывались с ноги на ногу, изучая рисунок на ковре. Зная о том, что для утренней смены рабочий день в самом разгаре, а для ночной – подошёл к концу, начальница медлила, тянула паузу, сурово оглядывая подчинённых, чтобы заставить нервничать, чтобы они – бездельницы надышались дурманом её дорогих духов, сравнили себя, жалких и раздавленных, с ней, ухоженной, свежей и сильной.

– По – вашему так должен выглядеть медицинский работник? – отчеканила Оля, властно указывая пальчиком в сторону старой, как черепаха, медсестры. – Вы на себя в зеркало хоть иногда смотрите, Мария Ивановна? Халат помятый, голова всклокочена, под глазами круги. Вам не стыдно?

– Мария Николаевна, – робко поправила старуха, стараясь пятернёй пригладить безобразие на голове. – Да я после ночи, Ольга Викторовна, у больного кровотечение ночью открылось...

– Да какая разница, Ивановна или Николаевна? Меня не волнует ни ваше имя, ни ваши оправдания! – отрезала Ольга, стараясь придать своему голосу как можно больше холода. – На планёрку вы обязаны явиться, как подобает. Штраф!

От испуга и неожиданности кто-то, а может и сама черепаха пукнула и по кабинету поплыл гнилостный запах кишечных газов.

Олю разрывало два противоречивых желания – немедленно распахнуть форточку, и оставить всё, как есть, чтобы насладиться отвращением и стремлением покинуть кабинет в глазах этих нерях. Второе победило.

Ольга демонстративно прижала к носу надушенный платок и продолжила вести собрание. Пусть нюхают!

– Ирина Степановна, – обратилась Ольга к терапевту. – На вас жалуются родственники больного Гришина. Говорят, что вы заставили купить лекарства.

– У нас нет таких антибиотиков, что нужны Гришину, – ответила усталая врачиха, нервно крутя на пальце обручальное кольцо. – Я вообще не могу понять, Григорьеву нужно вылечиться или просто бесплатно получить медицинскую помощь? Мне что ему лекарства за свои деньги покупать?

– Не помощь, а услугу, – Ольга улыбнулась, как можно лучезарнее. – Меня не волнуют ваши сомнения и метания. Я хочу, чтобы больные в нашем отделении были довольны обслуживанием, ну и, разумеется, выздоравливали. Как вы добьётесь всего этого, меня не волнует. И уж если вы, как доктор, прописали нашему Григорьеву дорогой препарат, которого нет в больнице, покупайте за свой счёт. В следующий раз будете более креативны. В военное время ничего не было, лечили, чем могли. И люди, дорогая Ирина Степановна, выживали. А почему? А по тому, что доктор был компетентен.

Врачиха недовольно надула губы, но больше ничего не сказала. Правильно! Себе дороже будет! С Ольгой Викторовной Снегирёвой лучше вообще не спорить.

Ощущение собственной власти будоражило, щекотало, мелкими пузырьками где-то внизу живота. Её боялись, её уважают, к ней прислушиваются. Если сейчас она – Оля, заставит всех раздеться и бегать по коридору голышом, так оно и будет.

Эти жалкие твари, вспотевшие от страха, сдерживающие позывы в туалет, с трудом разлепляющие опухшие веки, не хотят потерять работу, не хотят, чтобы их гроши стали ещё ничтожнее. И ради этого, они готовы ползать у Снегирёвой в ногах. Подумать только, а ведь когда-то, в далёкие школьные годы, Оленьку считали гадким утёнком, ботаничкой, занудой и зубрилой.

Ах, как же мама и папа были правы, расписав ей жизненный план. Сначала Ольга должна была окончить школу, непременно с отличием, потом поступить в институт, написать диссертацию, найти работу, достичь высот и только после всего этого, встав на ноги, начинать задумываться о мужчинах и семейной жизни.

И Оля чётко следовала пунктам этого плана, с презрением и лёгкой завистью, глядя на сверстниц, гуляющих с парнями и целующихся у подъездов. Даже Диме, – школьному красавчику, о ком грезили не только старшеклассницы, но и молодые учительницы, непреступная Оля отказала. О, как же красиво парень за ней ухаживал! Дарил цветы, писал стихи под окном на асфальте, сочинял о ней песни и пел под гитару, приглашал то в парк, то в кино, то в кафе. А однажды, подарил ей щенка, пушистого, лупоглазого, рыжего с белыми лапками. Но Оля не приняла этот подарок, жестоко обсмеяв парня и обозвав собачником.

– У него, наверное, блохи, – отчитывала Ольга дарителя. – Убери этого уродца и не позорься перед девушкой.

– Нет у Шарика блох! – возмутился Дима. – Это щенок моей собаки, она породистая.

– Шарик, – Ольга зло расхохоталась. – Охренеть, как оригинально! Убери эту пакость немедленно, и сам убирайся.

Голос её звонко разносился по тёмному, влажному, пахнущему мокрой штукатуркой подъезду. Солнечный свет, едва пробивающийся сквозь мутное узкое грязное оконце, золотил русую Диминову макушку. И Оля с трудом сдерживала желание прикоснуться к пшеничным, выющим волосам парня, провести рукой по рельефу его мышц, почувствовать тепло его кожи, сквозь футболку. Внизу живота всё ныло, сжималось и переворачивалось, дрожали колени. Как же её тянуло к этому парню, до мурашек, до головокружения! Русский богатырь! Скандинавский викинг! Но жизненный план, нарисованный родителями, был превыше всего. Превыше её симпатии к Диме, вызванной всплеском гормонов. И когда парень, прижав к своей груди щенка, ушёл, Оля забежала в квартиру, уткнулась в подушку и проплакала целый день. Она оплакивала то, что могло бы у неё быть, то, что уже никогда не случиться.

Но шли годы. Образ Димы поблек, выцвел, как со временем выцветают узоры на старых обоях.

– Молодец! – хвалили её родители.

– Молодец! – твердила многочисленная родня.

– Молодец! – говорила себе Оля каждый раз, как только видела своих подчинённых, обременённых мужьями – алкоголиками, кредитами и сопливыми вечно болеющими детьми.

– Алёна! – Ольга произнесла это имя почти, что с наслаждением. Наконец-то появился повод придаться к этой гадкой девчонке. – Где твой чепчик? Почему накрашены ресницы? А руки, что за маникюр на рабочем месте?

– Они не длинные, – промямила девчонка, растеряно рассматривая свои ногти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.